

РОБЕРТ БАЛАКШИН

ГРЕБЦЫ МРАМОРНОГО МОРЯ

*Повествование о русских галерных рабах, поднявших мятеж
и бежавших из турецкой неволи*

Глава первая

“Великая Анатолия”

Спокойно ночное Чёрное море. Тих и неподвижен пролив Босфор. Но, если прислушаться, в ночной тиши слышен приглушённый, вкрадчивый всплеск вёсел: шлюп-шлюп-шлюп.

В Стамбул возвращалась из дальнего похода в крепость Азов самая большая галера османского флота “Великая Анатолия”. Шестьдесят вёсел с каждого борта погружались в маслянисто отливавшую при свете кормового фанаря ночную воду пролива. Одновременно, как будто ими управлял хорошо отлаженный механизм, вёсла совершали энергичный, могучий гребок. Гребок за гребком. Но не было механизма. Галеру подвигали вперёд гребцы — рабы. Недаром служба на галере звалась каторгой. Там родина этого слова. Само слово “галера” изначально в греческом языке было “катергон”.

Справа и слева виделись береговые огни большого города. Ярче других, как польхающий яхонт, светился и сиял султанский дворец. Вот и он уже позади. Скоро скрылся во тьме и весь город — столица могущественной

БАЛАКШИН Роберт Александрович родился в 1944 году в деревне Коротыгино Грязовецкого района Вологодской области. Окончил Вологодский строительный техникум. Выпустил почти 30 книг прозы и исторической публицистики, одну книгу стихов. По благословению настоятеля Сретенского Московского монастыря архимандрита Тихона (Шевкунова) занимался переложением для детей житий святых угодников Божиих на современный литературный язык. Живет в Вологде.

Османской империи, государства, наводившего ужас и страх на все сопредельные страны.

Лишь только «Великая Анатолия» оказалась за пределами Стамбула, раздались негромкие, но отчётливые звуки судового тулумбаса*, отбивавшего частоту гребков. В городе на малом ходу вымуштрованная команда гребла в полной тишине. Загребной на последней банке Иван Мошков видел городские огни, силуэты трёх товарищей по веслу и думал свою неотвязную, точившую его уже четвёртый год думу. Он давно мечтал о побеге, но в этот год возможность бегства стала явной.

Его захватили в плен крымские татары. Сторожевой отряд, в котором он по приказу воеводы Дашкова выехал на поиск, встретился с татарским сторожевым отрядом. Сила оказалась на стороне татар, уйти не удалось, татары напали из засады. Орудя пикой, отбиваясь саблём, Иван почти прорвался сквозь кольцо окружения. Ещё миг, и перед ним — вольная степь. Конь Бушуй уходил от любой погони. Но тут шею захлестнула удавка-аркан, выдернула из седла. Белый свет померк в глазах.

Затем долгий путь в Крым. Под палящим солнцем. Мука голода, жажды. Длинная вереница невольников. Кто не мог идти, прикалывали копьём, иногда совсем лишившихся сил бросали на дороге умирать. Были среди пленников и дети — мальчики и девочки. Они не вынесли бы тягот дороги, их везли в корзинах вперемёт на лошадях как самый ценный товар. Их ждали гаремы богатых татар или турок. Дорога в плен омыта реками слёз и крови.

В прибрежном городе Кафе невольничий рынок. Здесь Иван впервые увидел море — до края неба водная пустыня, ставшая его жизнью и проклятием. В Кафе на невольничьем рынке его продали турецкому бею. Как не знающего грамоты, не владеющего никаким ремеслом, а таких было большинство невольников, Ивана определили галерным гребцом. Изо дня в день он прикован к веслу. С ним ещё трое таких же бедолаг. Весло длиной три сажени. От непрерывной работы кожа на ладонях стала грубой и толстой, как подошвы сапог.

Обучение гребле шло под удары тулумбаса. Чуть зазевался, опоздал или поторопился с гребком, получишь жгучий удар плетью по плечам. Кормили хуже, чем собак, иногда даже падалью. Если заболеешь или вконец выбьешься из сил, конец короток — снимут оковы, поставят у борта, удар рукояткой плети по затылку — и в воду. Так что держись, крепись. Только молитва и помогает держаться да надежда получить когда-нибудь свободу и тогда поквитаться за всё.

Нужно во что бы то ни стало бежать. Не вечно быть молодым и сильным, и неужели конец жизни — умереть, как скот на бойне? Иван Мошков тайком начал перешёптываться с соседями по веслу, использовал малейшую возможность отыскать и поговорить с теми, кто не смирился, не сдался. На галере за вёслами не разговоришься, но в зимние месяцы, когда плавание замирало, на берегу в жилой казарме, которую точнее было называть тюрьмой, поговорить можно. Конечно, с большой опаской, турецкие хозяева догадывались, что среди невольников может таиться недовольство, может сложиться заговор. Среди гребцов вполне могли быть наушники, шпионы, способные предать за лишний черпак протухшей похлёбки.

После многомесячных, урывочных, на грани угрозы пыток и истязаний, разговоров удалось сговориться с пятью отважившимися пойти наудачу: победить или погибнуть. Кроме соратников, неоценимому помощю оказал Сильвестр, итальянский немец из города Ливорно. Служивший на генуэзском флоте, он попал к туркам в плен. Оказавшись не в состоянии перенести все лишения, напоказ перешёл в турецкую веру, но в душе оставался христианином. Турок ненавидел всей душой. Однажды, разговорившись с Мошковым, Сильвестр почуял в нём родственную душу. С великой радостью он откликнулся на призыв Ивана бежать. Генуэзец был ценен тем, что ходил по галере в любое время суток без оков. Турки доверяли ему.

Галера, оставив позади Стамбул, шла Мраморным морем. Иван нагнулся

---

* Тулумбас — ударный инструмент, род большого барабана.

перед очередным гребком. Дверь капитанской рубки приотворилась. На палубу упала косая полоса света. Из рубки вышел командир галеры Апты-паша, высокий, горбоносый турок с оглушительным голосом и толстым отвислым брюхом. Из каюты доносились пьяное пение.

Паша подошёл к рулевому и шёпотом, хотя его было слышно всей галере, спросил:

— Где мы, отродье шайтана?

Рулевой ответил ему действительно шёпотом.

— Стой! — рыкнул паша.

Гребцы подняли вёсла, с носа и кормы в воду, подняв фонтаны брызг, упали якоря.

Глава вторая Бой за свободу

В 1637 году запорожские казаки лихим набегом захватили крепость Азов, принадлежавшую тогда туркам. Началось знаменитое Азовское сидение. Турки навезли кучу войск, чтобы отвоевать крепость. Казаки держались стойко, отбивая все штурмы. Султан Ибрагим I отправил к царю Михаилу Фёдоровичу посольство с жалобой на казачье самоуправство. Царь, в душе радуясь, что казаки дали хорошую взбучку стамбульскому хищнику, дипломатично отвечал, что казаки захватили Азов без его ведома. Народ они непослушный, непокорный. Не слушают ни его, царя, ни польского короля. Ничего он с ними поделать не может, пусть его величество султан разбирается с ними сам. Царь, конечно, помогал казакам, но делал это так умно и скрытно, что султан не мог уличить его.

В марте 1642 года султан снова снарядил караван из ста кораблей к Азову. Возглавляла его “Великая Анатолия”. Если встать на носу передового судна и оглянуться, то вереница мачт уходила за небесный окоём. Караван был нагружен продуктами для осаждавших Азов войск, оружием, свежим войском. “Великая Анатолия” везла громадные запасы пороха. Полотняные мешки с ним стояли повсюду, на всех палубах: гребной и парусной, на носу, на корме, возле гребцов. По пословице, быть у воды, да не напиться, Иван и его сообщники украдкой воровали порох, по горсточке-другой. Ещё не знали сами, зачем это делают: авось, в будущем пригодится. Плана побега ещё не имели. Добытый порох ссыхали в специальный мешок, хранившийся у Сильвестра среди мешков с сухарями.

В Азове несколько дней всё сгружали на берег. Но и этот поход окончился провалом. Получив в избытке порох, другие боеприпасы, подкрепление в людях, турки под пение диких боевых песен бросались на приступ. Гремели выстрелы пушек и мушкетов, визжали зурны, трубили рога, взвивался разноголосый неистовый вой тысяч людей, лезших на стену. Ему вторил ответный рёв казаков, разивших врагов.

Гребцы сидели, потупив взгляды, и молча молились, желая туркам всяческих бед.

Три яростных приступа отбили казаки. Караван с позором возвращался восвояси. Гнев султана был страшен: сплеховавших пашей публично казнили на площади: четвертовали, предварительно подвергнув самым изощрённым, нечеловеческим мукам. Палачи ходили насквозь мокрые от крови замученных ими жертв.

Апты-паша вовсе не желал знать, в каком виде прольётся на него гнев повелителя вселенной: прикажет ли просто отсечь голову, посадит ли в клетку, наполненную ядовитыми змеями, или пошлёт от своего имени шёлковый шнурок, что являлось приказом удавиться. Посоветавшись с приближёнными, Апты-паша решил не торопиться предстать пред очи потомка пророка, переждать в отдалении, пока гроза утихнет.

Сильвестр, ходивший свободно по галере, подслушал совещающихся и немедленно донёс об этом Ивану. За годы плена они научились понимать и говорить по-турецки. Иван внимательно выслушал. План побега созрел молниеносно. Медлить нельзя. Это была единственная возможность, которая не повторится.

Поскольку каюта Апты-паши выше гребной палубы, нужно незаметно подлезть под неё и взорвать там порох. Янычары и сам паша будут убиты, а там станем биться.

Сильвестр приволок порох, его раздобыли с пуд. Насколько позволяла длина цепи, которой Иван прикован к веслу, он примостил взрывчатку к задней мачте, просыпал дорожку пороха к скамье и стал огнём высекал искру. Но искра никак не высекалась. Возня и стук огнива о кресало услышал часовой на палубе.

— Русская собака, — крикнул он, перегнувшись вниз. — Ты чего тут?

Сильвестр закрыл ладонями глаза: всё пропало.

— Табак хочю пить, ага, — не растерялся Иван.

— Ну, смотри у меня, — сказал часовой и пошёл по палубе, — а то, если что, шкуру спущу.

— Слушай, друг, — свистящим шёпотом сказал Иван Сильвестру, — принеси в тряпиче углей. Я видел, Апты-паше принесли большую жаровню, они все там спят. И заодно прихвати несколько сабель.

— Слушаю, Джованни. — Сильвестр скользнул в темноту.

Ждать пришлось недолго. Сильвестр объявился, держа в руке тряпку с завёрнутыми в неё углями, а под мышкой — четыре сабли.

— Храпят все, — сказал он, подавая угли и сабли.

Что испытал Иван, когда рука ощутила тяжесть клинка, что за огонь пробежал по жилам его! Он почувствовал себя человеком.

— Передай всем моим: тревога!

Сильвестр юркнул меж скамей. Иван бережно развернул тряпицу, высыпал горсть красных углей на тёмную пороховую дорожку, следил, как по ней бежит торопливая огненная змейка. Вот близко к плотно набитому из двойной парусины мешку-мине. Иван отвернулся, накрыв глаза ладонями.

Взрыв! В воздух полетели обломки дерева, взлетели человеческие тела. От взрыва содрогнулась вся галера. Послышались крики. Ивана по пояс охватило жаром. Он сбивал руками языки пламени с вспыхнувших на нём шаровар.

В каюте Апты-паши начало гореть. Ещё в прошлом году Сильвестр сумел украсть у надсмотрщика по куршее* ключ от общего замка, который запер на палубе, на который надевались кольца цепей ручных кандалов гребцов. Отперев замки, Иван освободил гребцов, а сам бросился вперёд, тут же срубив одного за другим двух турок, раздавая сабли другим сотоварищам. Рабы нападали на ошеломлённых матросов, убивая их и завладевая оружием.

Вся галера переполнилась криками и беготнёй. На палубу выскочил разъярённый Апты-паша. Иван впервые видел его без чалмы с блестящей багровым отсветом круглой, большой бритой головой и сначала даже не узнал его.

— Собаки-христиане, — орал тот, заглушая все звуки на галере, — сидеть на месте. Не двигаться! Всех заперю.

В руке паша держал большой ятаган. Иван, не мешкая, кинулся к нему, втолкнул в каюту. Паша опытный воин, может призвать всех к порядку. Его послушают. Несмотря на свою грузную комплекцию, он оказался необычайно подвижен и ловок. Он сноровисто отражал удары Ивана и нападал сам. А вокруг кипел бой. По палубе среди турецких трупов и отрубленных рук и голов бегали гребцы и турецкие солдаты-аскеры.

Наконец, изловчившись, Иван всадил саблю в живот паши, рубанул по гладкой голове, и мучитель гребцов рухнул к его ногам.

— Получай, отродье шакала!

Но в этот же миг в правую руку Ивана, пронзив её насквозь, впилась стрела. Другая стрела только чиркнула по голове, но хлынувшая кровь залила всё лицо, на мгновение ослепив его.

Спохватившиеся, пришедшие в себя после начальной паники турки отстреливались из луков и бешено рубились ятаганами. Левою рукою отпер

---

* Куршее — помост вдоль всей гребной палубы, по нему ходил надсмотрщик, следивший за ритмом гребли, наказывавший ленившихся, по его мнению, гребцов.

кровь с лица, Иван схватил правой выпавший ятаган. Но рука не держала его. Наскоро обмотав лоб лоскутом своей рубахи, чтобы кровь не застила взгляд, схватив ятаган левой рукой, Иван устремился в гущу боя, в сумятицу происходившего на курушее. Там отбивался от всех, поражая нерасчётливо приближавшихся к нему, седобородый янычар в зелёной чалме. Он не стоял на месте, прыгал, отступал, наступал. Он крутился на месте, и горе тому, кого доставал его ятаган. Это был испытанный и умелый воин. Лицо его крест-накрест перечёркивали два шрама — отметины от сабельных ударов, — из-под густых бровей ястребино смотрели его глаза.

Иван вступил с ним в поединок. Слышался немолчный стук и скрежет стали о сталь. Иван, несмотря на кровь, сочившуюся из-под повязки, начал одолевать неустрашимого старика. Но внезапно прилетевшая стрела больно клюнула его в правый бок. Со стрелами в правой руке и в боку Иван согнулся от боли. Ятаган турка просвистел над его головой. Кому-то удалось метнуть лёгкий якорь-кошку, зацепить и уронить турка. В него вонзилось несколько сабель. От злости на неуступчивого турка разъярённые гребцы изрубили его мёртвое тело на куски. Теперь они, вооружившись отнятыми у турок саблями, носились по галере и убивали всех подряд.

Иван, стоявший прислонившись к мачте, приказал прекратить бой. Его послушались не сразу. Он ходил и хватал людей за руки, отнимая сабли. Всех оставшихся в живых турок собрали на палубе. Иные прыгали за борт.

Победа была одержана полная.

Что делать дальше? Кто-то из турок, бросившихся за борт, доплывёт до берега, и скоро о случившемся станет известно во дворце султана. Сразу учинят погоню. Уходить надо как можно скорее.

Плыть через Чёрное море — это плыть к смерти. Даже если посчастливится незаметно преодолеть Босфор, то в море неизбежно столкнёшься с турками. И тогда всем смерть. И не простая, а с муками. Путь на волю один — через Средиземное море.

Глава третья Дорога на волю

Бой был жестоким и кровавым, но из гребцов погиб только один человек. Много было раненых. И один крайне опасно. Митрофана Ильина стрела ударила возле сердца. Застряла крепко, ничем не вытащить. Укоротили её, из груди торчал обрезок, вершка три длиной. С ним Митрофан и лежал. Ходить он почти не мог, сделает два-три шага и садится.

Среди сдавшихся турок на счастье живым оказался главный кормчий галеры. Никто из гребцов вести корабль по курсу не умел. Никто не умел пользоваться компасом. Для всех он был не более, чем игрушка с бегающей стрелкой. Всех убитых турок пошвыряли в море, с особой радостью швыряли Апты-пашу, каждый счёл долгом плюнуть на него, подняли паруса, и “Великая Анатолия”, краса и гордость султанского флота, получившая новых хозяев, тронулась в путь, унося вчерашних бесправных рабов, а сегодня — свободных людей к новой жизни. В турецком флоте случались возмущения, бунты и побеги невольников. Доведённые до отчаяния люди отказывались терпеть издевательства и муки, но ни до, ни после (а империя просуществует ещё три века) не бывало такого массового выступления.

В эту ночь на галере никто не спал. Трупы убитых турок (их находили в самых неожиданных местах) метали за борт, туда же следовали останки человеческих тел. Все, кто был в силах, заняли свои привычные места за вёслами и работали, как никогда. Важно было оторваться как можно дальше от погони. Гнев султана, узнавшего о побеге, был ужасен и неумолим. Один Азов сидел незаживающей болью в султанских печёнках. А тут ещё “Великая Анатолия”! Любимое морское детище! Построенная лучшими кораблестроителями из отборных и наилучших строительных материалов! И какие-то ничтожные, презренные рабы, семя зловонных шакалов, посмели захватить её! Догнать, всех рабов повесить на реях! Корабль поставить на рейде перед дворцом. По утрам султан будет любоваться зрелищем висящих

трупов. Он прикажет не снимать их, пока не сгниют и не развалятся на части. Снарядив погоню, султан несколько раз на дню выбегал на балкон. Галера не возвращалась. Султан в бешенстве бегал по дворцу, щедро отвешивая всем попавшимся ему пощёчины.

Галера пересекла Эгейское море. Долго лавировала среди бесчисленных островов Кикладского архипелага. Если бы не опытный кормчий Ахмед, они заблудились бы в Кикладах, и султан смог бы насытить свой гнев.

Ахмед, когда на галере вспыхнула кровавая заваруха, спрятался под одной скамьёй гребца и лежал там, дрожа от страха, ни жив, ни мёртв. Лишь только всё утихло, он выполз из своего убежища и так спас свою жизнь.

В каюте Апты-паши нашлось несколько бочек доброго анатолийского вина. Иван позволил хлебнуть самую малость, иначе всем грозило проснуться с кандалами на руках. Всю ночь напролёт не смолкал скрип уключин. Галера всё дальше уходила от проклятых турецких берегов. Но едва рассвело и стало ясно, что никакая погоня не сможет их достать, пир всё же состоялся, да и сам Иван был не железный человек, три раны, обожжённые ноги и ночная истома сломили и его железную натуру. Он лёг на верблюжью кошму у руля и погрузился в обморочный тяжёлый сон, напоследок махнув рукой: гуляйте.

Гребцы ликовали, вино лилось из бочек хмельной струёй, и люди праздновали обрётённую свободу песней. Впервые за годы принуждённого молчания люди пели, и разгульное вольное пение далеко разносилось над морским простором.

Вскоре все спали. “Великая Анатолия”, подгоняемая свежим попутным ветром, резала податливую морскую гладь.

Не спали часовые, сторожившие пленных турок, которые сначала со страхом и тревогой слушали пение гребцов. Что на уме у пьяных невольников, что взбредёт им в голову? Может, они вздумают отплатить за всё, что им довелось перенести? Возмут и попросту покидают их в море. Но убедившись в незлобности освобождённых, турки последовали их примеру и тоже улеглись на палубу спать. Галера на время уподобилась кораблю, о котором столетия спустя сложат легенды, — “Летучему Голландцу”. На палубах не слышно ничьих голоса, не видно движения, даже рулевой дремал, навалившись на длинное перо румпеля.

Только один человек не спал. Сильвестр, благодаря отваге которого мятеж состоялся и завершился победой, счастливо избежал ран, хотя смерть проходила и пробегала рядом. Он сидел на носу в изголовье Ивана, скрестив по-турецки ноги, и думал о том, как неожиданно и внезапно его мечта о свободе стала явью.

Всеобщий сон длился недолго. Первыми стали просыпаться гребцы. Для многих пробуждение казалось чудом. Где они, что с ними? Привыкли за годы к вёслам и кандалам на руках и ногах, и теперь их отсутствие казалось чудом. Чудо проснуться, не скорчившись в три погребели на узкой и жёсткой банке, а вольготно вытянувшись на палубе. Чудо, что никто не орёт на тебя и не полосует плетью...

По галере порхали шутки и смех — неслыханные гости на этом вместилище горя и страданий. Раньше здесь слышалась лишь ругань надсмотрщика да свист плети.

Мы же свободные! О радость! О счастье! Мы не рабы!

В бочонках ещё оставалось порядочно вина, но проснувшийся вместе со всеми Иван воспретил вышивку. Сначала нужно навести порядок на корабле. Всё лишнее — за борт! В каюте Апты-паши обнаружили три трупа, труп валялся у носовой пушки. Один труп, непонятно как туда попавший, висел вниз головой на вантах. Нужно отмыть палубу от луж крови, густыми выпуклыми лепёшками застывшей там и тут. Над кровью вились неизвестно откуда появившиеся в открытом море жирные, сизого цвета трупные мухи.

Мошков будто очнулся от тяжкого и мрачного забытья, похожего на бред. Над ним распростёрся необъятный голубой купол неба, ветерок ерошил волосы.

— Джованни, вышей, вышей, — настаивал Сильвестр, поднося к его рту ковш. Иван сделал два глотка. Горячка боя схлынула, погасла, и теперь

у него всё болело. Болели обожжённые ноги, болели пронзённые стрелами рука и бок, разламывалась от боли голова. Изнутри его сжигал жар.

Он попросил Сильвестра позвать ближайших соратников, с которыми готовил побег: земляка-калужанина Прохора Герасимова, пензяка Григория Никитина, Ефима Михайлова, донского казака Назара Жилина. Призван был и кормчий Ахмед.

В начале разговора Иван перекрестился. Все кроме Ахмеда перекрестились за ним следом. Теперь на галере все крестились часто и даже с наслаждением. При турках крестное знамение влекло за собой сразу наказание плетью. Количество ударов зависело от настроения наказующего. Пять, десять, пятнадцать плетей. Меньше пяти не давали. Но и это могло граничить со смертным приговором. Встречались такие мастера кнутабойного искусства, что запарывали насмерть всего с одного удара.

Надо думать, что делать дальше. Порешили: где пристанем к берегу, всё добро с галеры и саму галеру продать и идти на Родину, на Русь. К благоверному царю Михаилу Фёдоровичу. Добра на галере было несчётно много: большой запас сабель, часть их ножен обложена золотом и серебром, золотая булава, унизанная драгоценными камнями, 40 кинжалов с рукоятями из драгоценных камней, 8 тысяч золотых скудо, 250 деревянных брусьев и железных полос для строительства другой галеры, 60 мешков пшеницы, запасы пороха для 19 мушкетов, больших и малых. Сверх того, в их руки попали 4 купца иудейской веры, сразу предложивших за себя выкуп 20 тысяч скудо. Богатство неимоверное. Вокруг него сразу разгорелись споры.

— Это дело, — подхватился пройдоха и хитрован Назар. — Без денег мы никто. Бродяги, нищebroды, любой на нас плюнет, подальше пошлёт. А с деньгами не то, нас уважать будут.

— Тебе мало на галере добра? — сказал Герасим.

— На галере, как на золотом руднике, на всех хватит.

— А ты, атаман, как думаешь?

— Что-нибудь с них взять надо, жидки народ оборотистый, ушлый. Они снова наживут.

Иван обвёл товарищей задумчивым взглядом. Возглавив восстание, он взвалил на себя бремя, о котором раньше не думал. Все его сотоварищи прежде были соседями по веслу, по галере, а после той ночи он стал ответчиком перед Богом и совестью за всех, кто поверил ему, пошёл за ним, вверил ему свои жизни. Если бы всё обернулось иначе, ему бы отвечать за всех перед султаном и его палачом. Теперь предстояло думать за всех.

— Я думаю, — сказал он после недолгого молчания, — что нам не грозит подобиться нечестивым туркам. Они торгуют людьми, их свободой. Они торгуют людьми, как скотом, люди для них товар. Нам Господь заповедал жить иначе. Мы родились на свободе, для свободы. Мы не торгуем свободой. Скажите купцам, нам от них ничего не нужно. Пристанем к берегу — и вольному воля.

Иван видел, что соратникам не понравились его речи, да, сказать по правде, он и сам мечтал поживиться купеческими денежками. Но мечтал стрелец Иван Мошков. Атаман должен по-атамански думать.

Сама галера не может знать, куда ей плыть. Так и гребцы — двигатель судна — не знали своего пути следования. Для них, не сведущих в навигации, искусстве кораблевождения, всюду было одно море — прямо и сзади, направо и налево. Куда плыть, как направить судно, знал Ахмед. На совещании он сказал, что надо плыть в порт Чивитавеккья. Там хорошая гавань, там у него есть знакомые купцы, моряки. Туда — значит, туда. Но знакомые моряки, купцы могут дать знать о них падишаху. Едва ли падишах смирится с потерей галеры. Он будет искать её. Галера — не иголка в стоге сена, предмет заметный, хотя и велико Средиземное море. Падишах может подослать сюда убийц, чтобы расправиться с ними. Ведь если судить здраво, галеру-то у султана они украли. Где-нибудь она объявится.

Такие мысли пришли Ивану, когда Ахмед ушёл на мостик к рулевому. Да, надо это иметь в виду, а пока — только вперёд. Ахмед обнадёжил: если ветер не сменится, к земле они подойдут дня через четыре-пять.

Глава четвёртая Житейские были

Иван страстно желал скорей встать. Но ему не моглось. Он с трудом отрывал голову от подушки. Голова кружилась, её наполнял липкий жар. В этом жару в голове неотвязно крутились живые картины того горячего смертельного боя. Опять его обжигал огонь взрыва, снова и снова он втыкал ятаган в брюхо визжащего Апты-паши. И, самое ужасное, он никак не мог вытащить ятаган. Он поносил самыми последними чёрными словами пащу, вытаскивал ятаган, а тот тянулся как резиновая сосулька. Иван звал на помощь друзей. В беспомощности бреда он не знал, что друзья сошлись, стоят вокруг его ложа, переглядываются и не знают, как помочь больному товарищу.

Лекарь был у Апты-паши, но его убили в самом начале схватки, когда крушили кого ни попадя. К рабам лекаря никогда не вызывали. Заболеет раб, выздоровеет или умрёт — значит, так угодно Аллаху. Гребцы как-то обходились без лекаря, лечились своими подручными средствами.

Крепкий Иван выздоравливал. Через двое суток бред пропал, как и не было, но вставать атаман ещё не мог. Днём лежал, рассматривая прихотливые разводья цветастого полога, растянутого над ним. На ночь полог снимали, и перед взором большого зажигались просторы неба с их квадратами, треугольниками, россыпями мерцающих, переливающихся, как громадные ожерелья, звёздных красавиц.

В эти ночные часы, зная, что он всё равно не спит, проведать его приходили свободные от вахты друзья. Завязывались разговоры, и Иван по-настоящему знакомился со всеми. Гребцы задних загребных банок редко встречались с гребцами банок передних. Все вместе собирались в короткие зимние месяцы, однако и тогда между ними не было открытых разговоров, все опасались друг друга. За откровенность можно было поплатиться поркой, а то и головой.

Так Иван разговорился с напарником, что сидел на самом краю, через два человека от него, с Афанасием Никитиным.

Афанасий попал в плен, как и многие бедолаги, которых угораздило родиться на южной окраине Руси, на границе с крымской татаркой. Татары шли изгоном из Крыма. Весть о набеге летела впереди орды. Жители деревеньки, где жил Афанасий, готовились, зарывали наиболее ценные пожитки в землю: иконы, весь металлический инструмент, оловянную посуду, угоняли в балки, глухие и глубокие овраги скот, за исключением свиней, ими татары брезговали. Несколько дней крестьяне хоронились в лесах, не ночевали дома. Поутру в степь высылали караульных. Погода выдалась в ту весну хорошая, только бы пахать. Как Афанасий не остерегся, говорили же ему, что они уже близко. “Допашу эту борозду, — подумал он — и будет”. Злодеи налетели внезапно, с криком, визгом, гиком. Он кинулся бежать, бросив всё: котомку с едой, даже лошадь. Афанасия словили арканом у самой опушки леса. Не добежал сажен десяти, как очутился на земле. С ним сцапали и младшего сынишку, которого он больше не видел. Потом была известная дорога в Кафу. Дорога — одно название, а по-церковному — крестный путь. Шли почти без еды. Страшно хотелось пить, язык во рту распухал, как бревно.

Ивану об этом можно было не рассказывать, всё испытал на себе.

— Сколько же лет ты в плену?

Афанасий, почесав всклокоченную бороду, сказал, что где-то вскоре после того, как государь Михаил Фёдорович царские бармы надел.

Иван с невыразимым сочувствием посмотрел на него.

— Так это получается, что ты тридцать лет живот свой на каторге мучал.

— Получается, — согласился Афанасий, — я уж и счёт годам потерял. Что считать, пустое дело.

— А тебя-то как угораздило в полон попасть? — Иван, покривившись от боли, повернул голову в сторону Прохора.

Прохор уже собирался улечься спать, но услышал вопрос атамана и подошёл к нему.

Рассказ Прохора оказался похож на увлекательную сказку, столько было в нём изменений и поворотов судьбы. Однажды станица Прохора, соединившись с другими станицами, отправились на стругах в Азовское море “за зипунами”, одним словом, пограбить. Атаманом был Михаил Таран. Захватили они турецкий городок Перизу, поживились, возвращались на Дон, но путь в устье им преградил турецкий флот. Воспользовавшись густым туманом, они оторвались от турок, направились в сторону Днепра. Но и тут турки. Ускользнув от них, они повстречались с отрядом ляхов полковника Душанского. Казаки попросили его о защите, а чтоб просьба выглядела весомой, сопроводили её щедрыми подарками. Кривой лях подарки взял, обещал подмогу. Но слово ляха, знамо дело, что ветер. Крест подлюка целовал заодно быть, а сам послал гонцов к Очаковскому паше и с турками напал на казаков с двух сторон. Кого из казаков перебили, кого захватили в полон. Михаила Тарана увезли в Царьград (казаки упорно не хотели называть Константинополь Стамбулом) и там на главной площади предали мучительной казни. Турки мечтали насладиться страданиями атамана. Он принял страшные муки, не проронив ни звука. Султанский палач изощрил своё мастерство, сам султан ярился от злобы, желая услышать хотя бы стон проклятого гура. Атаман оказался сильнее султана, сильней палача, сильней многочисленной площади, собравшейся на потеху и не получившей её.

Народа у ложа Ивана прибывало. Людей пробуждал звучный голос Прохора. Иван просил Прохора говорить потише, хотя понимал тщетность просьб — такой был у Прохора голосина. Сам Апты-паша, случалось, вызывал Прохора на состязание и не мог переголосить его.

Иван недовольно огляделся: надо заканчивать, столько людей не спит из-за него одного.

Свою историю начал Кузьма Хлыст. Когда понадобился человек для обучения пленных турок гребле, лучше Кузьмы сыскать было нельзя. За его неукротимость, за неистовое стремление к свободе турки жестоко искалечили его. Поймав Кузьму после второй попытки побега, турки отрезали ему нос, отчего в сумерки казалось, что он смотрит на тебя тремя глазами — двумя верхними и третьим нижним. Став главным над своими бывшими хозяевами, Кузьма не скупился на ругань и удары плетью. Плеть свистела над головами турок, понавших из огня да в полямя.

— Я научу вас, детей ишака, как надо работать, как в поте лица добывать хлеб свой, — говорил он, шагая по куршее.

Спины турок-гребцов в первый же день разукрасились кровавыми рубцами.

— ...он бил меня руками и ногами, — рассказывал Кузьма об издевательствах Апты-паши. — Никак не мог сбить меня с ног. Бесился, ругался по-своему, по-турски, и ни в какую. Но вот расстарался, оглушил меня. Концы туфель у него загнутые, мягкие, терплю я. Но тут озлился я, что ж он меня, кат обрезанный, душует. Схватил я его за ногу, зубами впился. До мяса туфлю ему прокусил. Он чисто осатанел, туфли-то те султаном дарёные. Я ж не знал этакой оказии.

Паша кинжал свой из-за пояса хватать и со злобы мне — чик-чик — оба уха и отхватил.

— Ну, всё, — хлопнул по ложу Иван, — довольно! Всем спать!

Все разошлись. Слышно было, как хлопают вёсла по воде. Хотя при попутном ветре гребля мало прибавляла в скорости, но чего ж турки так сидеть будут, они-то их в любую погоду грести заставляли.

Иван, заложив руки за голову, не спал, смотрел на звёзды. В голове бродили мысли. Отчего турки такие? Случалось и ему в боях, различных сшибках убивать людей. Дело такое — или ты его, или он тебя, кто бойчей окажется. Тут знай, не зевай. Но враг — это враг. А пленный — это пленный. Почему у нас нет обычая издеваться над пленными, резать уши, носы? Отчего наш батюшка-царь православный не устраивает походы за пленными, не торгует полоним на базарах? Почему турки и крымчаки не живут нормальной человеческой жизнью? А может, в их понятиях это и есть нормальная жизнь? Продавать людей, уродовать их. Может, они только своих

считают людьми, а всех остальных нет? Но Господь создал всех людей без различия на турок, православных и ещё каких.

Несколько столетий для южных областей России не было более страшного врага, чем крымские татары. Почти ежегодно налетали орды крымчаков на русские селения, жгли деревни и города, уводили десятки тысяч несчастных людей в Крым. Ханство жило за счёт торговли пленными. Не пахали землю, не разводили скот, только грабили. Бывало, свирепая орда доходила до Москвы. Народное бедствие отразилось и в церковных службах. Орды давно нет, а мы молимся “о страждущих, плененных ...Господи, помилуй”. Эта молитва оттуда, из тех времён.

Глава пятая Нежданная встреча

Всё дальше и дальше уходила “Великая Анатолия” от турецких берегов. Если за беглецами и была погоня, то она безнадежно отстала и вообще уже не имела смысла. Когда галера после Киклад вышла на просторы моря, кто мог предсказать её дальнейший путь: поплывёт она к Геркулесовым столбам или направится в сторону Александрии, пустится к острову Кипр или выберет курс в пределы Палестины.

Попутный восточный ветер дул с неослабевающей тугой силой, гнал тяжёлый, нагруженный людьми, товаром, боеприпасами и провиантом корабль, словно и сам радовался за людей, что может оказать им такую услугу. Иногда природа вспоминает, что она неотъемлемая часть этой жизни, и сорадуется вместе с нею. Обычно оживлённое в этой части своего пространства море было на редкость пустынно. Нос “Великой Анатолии” в гордом одиночестве безукоризненно кроил ровное морское полотно.

Иван, опершись на нагретый солнцем ствол носовой пушки, часами смотрел, как острый форштевень режет водную поверхность, образуя белые пенные буруны, смыкавшиеся за кормой. На галере, кроме него, находилось более полусотни раненых. В ту ночь погиб всего один человек, что удивляло всех. Погибшего гребца Иван Мошков не позволил выбросить за борт.

— Не достанется он рыбам и чудищам морским. Похороним его по-человечески, в земле.

Труп хранился на корабельном леднике. В Азов галера доставляла порох и загружалась льдом, который осадники заготавливали зимой, ломая лёд на замёрзшем Дону, складывая его в глубокие земляные ямы. Лёд из-под Азова доставляли в Стамбул.

Галера глотала версту за верстой. Ветер посвистывал в снастях. Смолисто пахло от палубы. Доносило варившейся к обеду кашей, вкусно пахло жареным мясом. Завоевав свободу, пленники стали питаться по-людски. Турки кормили гребцов чем попало, бывало, и падалью, от которой смердело невыносимо, но выбирать не приходилось: жить хочешь — ешь.

Иван всмотрелся вдаль.

— Ахмед, — крикнул он.

— Да, эфенди, — Ахмед подбежал к нему.

— Берег близко?

— Далек, эфенди.

— Опять эфенди. Какой я тебе господин? Говори по-русски.

— Далек берег, капитан.

— Это что? Чайка?

Иван махнул рукой. Вдали, как клочок пуха, белело крохотное пятнышко.

— Дай зрительную трубу.

Ахмед поднёс зрительную трубу — единственное, что осталось от Агтыпаши. Накануне Иван целый день учился пользоваться ею. Сейчас прильнул к окуляру.

— Лодка. Ахмед, глянь.

— Твоя правда, капитан. Турецкая фелюга.

— Турецкая.

Иван крикнул Прохора.

— Прохор!

Через всю галеру, топая ногами, прибежал Прохор.

— Глянь-ко, — Иван подал ему трубу. — Что видишь? Справа по носу. Прохор принял трубу, долго возился с ней.

— Ну, что?

— Да никак не прилаживается к глазу. Лодка. Плывёт к нам.

— Прикажи поднять на мачту знак Апты-паши. Молчок всем.

Расстояние до встречного судна быстро сокращалось. Было видно, что это небольшая фелюга под турецким флагом.

— Макарку сюда, — распорядился Иван.

Макар, самый молодой из гребцов, к галерной службе приживался через силу, тошнило от морской качки, от мерзкой пищи, которой бы погнушались бродячие псы. На его долю слабосильного гребца доставалось всех больше плетей. Макар угасал на глазах. Его все жалели, но помочь ничем не могли. Если бы не боевая ночь, скорее всего, он бы покоился на морском дне. За три дня свободы Макар ожил от здоровой пищи, освободившись от муки непосильного ежедневного труда. Сметливый, с живой понятливой душой, среди всех гребцов он лучше всех говорил по-турецки. Смуглый от природы, с чёрными бойкими глазами, с постоянной улыбкой, он и внешне смахивал на турецкого побродяжку, каких много слоняется в базарный день в турецких и крымских городах.

— Скажешь им, — наставлял Иван Макарку, — что это корабль Апты-паши, идёт по велению его величества султана, куда, нам знать не дано. Сам паша нездоров, болен животом, зовёт пожаловать в гости.

По приказу Ивана Макарке принесли одежду получше и поновей, на голову водрузили новую же чалму, на ноги надели мягкие сапоги из красного сафьяна, опоясали поясом, за которым торчали рукояти двух дорогих кинжалов, щедро усаженных драгоценными камнями. Камней было так много, что рукоять делалась неудобной. Как с такой рубиться в бою? Макарке дали золотую цепочку, перебирая которую, он перекликался с турками.

— Из шпанской земли идут с товарами, — скороговоркой сообщал он Ивану. — Табак везут.

Иван вполголоса говорил Прохору:

— Проша, пусть десять человек зарядят мушкеты, укроясь за фальш-бортом, а как только фелюга ошвартуется к нам, пусть встанут, чтобы турки их видели, и мушкетов с турок не спускать.

Фелюга приближалась, уже видны были лица турок на ней. Хватаясь за прямоугольные скобы, вбитые в борт галеры, турки вскарабкались на галеру. В этот же миг на борту галеры возник частокол мушкетных стволов, направленных на оставшийся на фелюге экипаж.

— Приветствую досточтимого Апты-пашу, великого воина, украшение империи, да живёт он тысячу лет, — произнёс витиеватое приветствие турок в зелёной чалме и богатым шёлковым халате.

Оглушительный обвал хохота покрыл последние слова турка. Ибо пожелание тысячи лет жизни плохо вязалось с тем, что произошло с пашой несколько дней назад.

Турок и сам понял, что произнёс речь невпопад. Речь его выслушал лежащий русобородый человек, по виду ничуть не похожий на турка.

Турок в халате сообразил, что угодил в ловушку, метнулся к борту, явно намереваясь отдать какое-то приказание людям на фелюге. Его схватили.

— Молчать, — крикнул ему Иван. — Передай, чтобы все поднялись сюда.

Перегнувшись через борт, Макарка передал приказ на фелюгу. За бортом послышалось учащённое дыхание. То поднималась команда. Нужда в маскараде отпала, дальше с турком говорил сам Иван. Фелюга принадлежала турецкому купцу Хуссейну. Она везла партию табака из Испании.

Иван приказал спуститься на фелюгу своим людям, осмотреть её, нет ли чего полезного, а табак выбросить в море.

— Поп Филипп из нашей Петропавловской церкви говорил на проповеди, что табак — это дьявольское зелье, кто курит табак, тот кадит сатане.

Через некоторое время все видели, как тюки с табаком плывут по морю, постепенно погружаясь в воду.

Ничего примечательного, пригодного им на фелюге не нашлось. Но среди поднятых на борт оказался лекарь. Это приобретение оказалось кстати. Среди всякого барахла, найденного на фелюге, оказался какой-то ящичек. В его ячейках размещались какие-то бутылочки, бумажные свёртки.

— Это моё, — рванулся к Ивану пожилой, тощий, с длинной седой бородой ниже пояса турок.

— Чего тебе? — спросил Иван.

— Это моё. Снадобья, лекарства. Я врач, Селим. Султан приглашает меня, если занедужит.

— Лекарь, значит, — улыбнулся Иван. — Это хорошо. Чего ж ты раньше молчал?

— А ты не спрашивал.

Поправлялся Иван медленно, держался, пересиливал себя. Лекарь никогда не помешает, больных-то много.

— Так, — распорядился Иван, — лекаря не трогать, а остальных на выучку к Кузьме Хлысту.

Работы Селиму хватило на целый день. Сначала он осмотрел всех, начиная с Ивана и кончая Митрофаном Ильиным. Но его он лечить отказался, у него из груди торчал обломок стрелы возле сердца. Нужен более опытный врач. На берегу найдём.

После осмотра Селим задал всем, свободным от вахты, работу. В каюте Апты-паши нашлись белые кисейные бурнусы. Селим усадил четверых человек рвать их на узкие длинные полосы. Затем снял, а в некоторых случаях сорвал, несмотря на протестующие вопли, со всех раненых заскорузлые грязные повязки и наложил чистые, новые. Затем дал задачу толочь в мисках разные высушенные травы. Одни в фаянсовых, другие в медных мисках. Вся галера наполнилась ароматом, а в иных случаях едкой вонью. Корабль превратился в плавучую больницу. На борту приготавливались снадобья, лекарства, примочки, тут же шедшие в дело.

В эту ночь многие раненые, страдавшие от бессонницы, спали спокойно. Ровный целебный сон врачевал их избитые, израненные тела. Не преминул Селим осмотреть и своих земляков, обращённых в грёбцов. После осмотра он доложил Ивану, что состояние троих обследованных вызывает опасения. Если их не освободить от работы на вёслах, они в ближайшие дни могут умереть. Иван из грёбной команды перевёл их в палубные матросы. Тянуть снасти и содержать в чистоте палубу они в состоянии.

Перед сном к Ивану пришёл Макарка поведать о своих мытарствах... Татары охватили их деревню кольцом. Мышь не прошмыгнёт. Мужиков и таких подростков, как он, окупив в стадо, погнали в Крым. Детей убивали на месте. Рёв и вой стоял над деревней.

Остальное было известно Ивану.

— От похода этого я едва ноги таскал. Видит хозяин — толку от меня никакого, и отдал ребятне ихней меня на забаву. У татар так заведено: только сопляк ходить начнёт, его, как волчонка, к крови приучают. Чтob сызмальства злым, не жалостливым рос, привыкал людей убивать и мучить. Вывели меня в кандалах во двор. Ребятня ихняя пинает меня, щиплет, тычут. Лучонки им дали детские, стреляют в меня. Силы маловато, едва кожу на мне пробивают их стрелы, но весь я стрелками ихними обклёванный ходил. Места на мне живого не было. Весь исчезался. Только слышу — начал я по-татарски понимать — спорят они меж собой, кто первым мне в глаз попадёт. Всё, думаю я, пришёл тебе, Макарий, конец. Выбьют один глаз, другой, слепому подножку поставят, навалятся стаей, кинжальчиками своими истычут, глотку перережут. Ходил я, глаза локтем закрывал. Только ведь ненадолго это, всё равно подстерегут как-нибудь. Спасла меня хозяйская дочка, Айше. Тоненькая, как прутик, косы, как две змейки на спине, не идёт — летит, глаз не оторвёшь. Бывалоча, проснись утром — первая мысль о ней. Пожалела она меня, упростила отца отнять меня у ребятни. Он и продал меня на галеру как ни к чему не способного дармоеда. А на галере ты бучу устроил, тоже спас меня.

Иван погладил юношу по голове.

— Теперь тебя никто не обидит.

Макарий заплакал, с жаром целуя руку Ивана.

— Ну, что ты, что ты. — Иван отдернул руку. — Что ты, ровно ребёнок. Звёзды молча лили свой небесный свет на одинокую галеру.

Жизнь человека — это море. Уподобляют её морю православные, творцы молитв и канонов. Просторы русской земли сравнивают с морем поэты. Хоть Русь сухопутная страна, но русский в душе — морской человек. Сколько песен о море создано русским народом! Сколько венок русской ратной славы вполетено морских ветвей народными героями — адмиралами, матросами! Плывёт через всю историю России её славный корабль, блестят жерла грозных пушек, гордо вьётся её победоносный Андреевский флаг.

Глава шестая У смерти на краю

Всё когда-нибудь кончается. Таков закон жизни. Его не избежит ничто и никто. Кончается удача, кончается попутный ветер. На седьмой день плавания на горизонте показались горы.

— Сицилия, — сказал Ахмед, показывая на них. — Если ветер не подведёт, дня через два будем на месте, в Чивитавеккья.

— Слава Богу, — сказал кто-то, — хочется землю почувствовать под ногами, а то всё вода да вода.

— Слава аллаху, — вполголоса, чтоб не раздражать христиан, пробормотал Ахмед.

— Ступить на землю, да больше век моря не видеть, будь оно проклято, одно горе от него.

— Кто в море не бывал, тот и горя не видал, — складно сказал Макарка.

— Кто на море не бывал, тот досыта и Богу не маливался, — послал снизу Кузьма.

— Хватит о горе, — припечатал Прохор, — ветер добрый который день. Сглазите ещё.

— Не приведи Господь, — Иван перекрестился на крест золотым проблеском сияющей на мачте.

В каюте Апты-паша на полу валялось большое блюдо из золота. Иван приказал расковать его в лист, из этого листа вырезал православный крест. И прибил на главную мачту корабля.

Но как бы там ни было, с полудня, когда галера изменила курс, повернула направо, огибая остров, с севера надвинулась высокая гряда густых, точно кучи грязного снега, облаков. Заморосил дождь, скоро перешедший в ливень. Тяжёлые капли хлестали по палубе. Ахмед отдал команду: палубные матросы побежали к мачтам, карабкались на ванты, разбегались по реям, убрали паруса. Скоро “Великая Анатолия”, освобождённая от ветрил, неслась по бурлящему морю.

По просьбе Ахмеда, предвидевшего ход событий, в помощь рулевому Иван отправил Панкрата Шурова, отличавшегося нечеловеческой силой. Он один поднял с земли и занёс на галеру как раз накануне Азовского похода 25-пудовый якорь. Панкрат встал за руль, удержал галеру от сноса к скалистому берегу. Шторм усиливался, швырял огромное судно, словно прогулочную лодку. С гребной палубы раздавался вой. Гребцы-турки, ожидавшие гибель, кричали от ужаса. Иван приказал освободить их от оков, хотя сами турки в подобных случаях предпочитали, чтоб гребцы утонули, чем дать возможность им спастись.

К одному несчастью добавилось другое. Со своих креплений сорвалась носовая пушка. Она стремительно носилась из стороны в сторону по короткой носовой палубе, урожая проломить невысокий фальшборт. Матросу, пытавшемуся остановить её, раздробила ступню ноги. За рёвом шторма никто не услышал крик отчаянной боли. Иван приказал Панкрату, чтобы он остановил пушку, иначе она натворит бед. Это мог сделать только он, а сам Иван

встал рядом с рулевым. Панкрат гигантскими прыжками промчался по галере. Выждав подходящий момент, схватил пушку в охапку, шагнул с нею к борту и исчез. Поднявшаяся выше борта волна накрыла его. Когда пенящаяся вода схлынула, ни Панкрата, ни пушки не было на палубе.

Иван с рулевым лежали на румпеле, ногами упираясь в палубу, но галеру неотвратимо волокло к берегу, на скалы. Громадная волна погребла их в холодной солёной толще. Вода наглухо запечатала рот, глаза, уши, с неумолимой силой отрывала их руки от румпеля. Задыхаясь, боясь вдохнуть, а мочи уже не было терпеть, Иван взмолился: “Господи, Пресвятая Владычица, помилуйте!” Уступая силе волны, стали разгибаться пальцы. В глазах вспыхнул неведомый свет, и тут волна рассыпалась, исчезла, превратившись просто в множество струй. Иван хватал ртом воздух, как выброшенная на сушу рыба, глотал его, а ему на помощь спешили, карабкаясь по накренившейся палубе, трое его бывших сидельцев по веслу. После шторма они рассказали, что услышали его крик о помощи и устремились к нему. Иван не помнил, чтобы он кричал. Как закричишь, когда ты замурован в водной тверди?

Весь день и ночь не унимался страшный шторм. Все промокли насквозь, были истощены, стихия вымотала их, и, когда шторм малость поутих, галера направилась к гавани, открывшейся им.

Это был город Мессина.

Глава седьмая На земле сицилийской

Шторм утих. Улёгся ветер. Выглянуло солнце. Но галеру ещё ощутимо качало. После сильного шторма обычно бывает мёртвая зыбь. Морские воды, которых бурным ветром нагнало к берегу, возвращаются вспять, и удивительное дело: в небесах тишь и покой, не шелохнётся лепесток на прибрежной оливе, а море бушует, по нему бегут волны с белыми гребнями. Хотя “Великую Анатолию” качало у берега, но корабль держали крепкие канаты и качка никого не пугала.

Пришла пора подсчитать убытки: кроме Панкрата, неистовая стихия поглотила ещё пять человек, сломала семнадцать вёсел, сильно разбила корму, повредила руль. Дальше плыть было невозможно. Надо ремонтироваться. Корабельных мастеров нужно искать на берегу.

Иван сдержал слово, отпустив желавших уйти с галеры иноземных гребцов, иудейских торгашей и всех турок с захваченной фелюги. Попросил остаться Сильвестра толмачом для разговоров с местными людьми.

Сицилия в те годы принадлежала испанскому королю Филиппу IV. Управлял ею вице-король маркиз Франсиско де Мело, граф Ассумар. Ему доложили, что утром в Мессину пришвартовалась галера под турецким флагом, а экипаж на ней в большинстве не турецкий, а русский. Из бывших турецких рабов. Маркиз повелел доставить старшего с галеры к нему во дворец. Иван занимался на галере своими делами, намечал неотложный ремонт, осматривал паруса, которые давно не обновляли, говорил, что люди обносились, ходят в лохмотьях, надо сделать новую одежду. Оставалась одежда после турок, но надевать её православному погано.

Вдруг на набережной появилась кавалькада всадников. Впереди на рослом жеребце в широкополой шляпе, украшенной пышным страусиным пером, ехал богатый одетый вельможа. Конь вороной масти вытанцовывал под ним замысловатые кренделя. К удивлению Ивана, всадники спешили к галере. Вельможа взшёл на корабль, снял шляпу и, поклонившись, сказал, что маркиз Тер де Лагуна граф Ассумар предлагает хозяину галеры пожаловать к нему во дворец.

Франсиско де Мело граф Ассумар ожидал увидеть бывалого капитана и остался разочарован и даже возмущён, увидев перед собой самого обыкновенного мужлана, одетого не в морской мундир, а в какое-то рваньё, какое не надел бы самый захудалый мадридский нищий. На столе, между тем, расстелили дорогую бархатную скатерть лазурного цвета. Тут же явились яства

на золотых блюдах: мясо жареное и варёное, бараний бок только что с вертела, всевозможная рыба, высокие вазы с фруктами, кувшины с вином. Еды столько, что всей галере хватало бы на неделю.

Иван ел и пил, не отставая от хозяина, и заботился об одном: как бы не напиться, не перебрать. В среде стрельцов и казаков, людей на выпивку далеко не слабых, Иван славился крепкой головой, мог перепить любого, но ведь он сколько лет не пил. Апты-паша каждый год в конце мусульманского поста выставлял бочку вина. На каждого доставалось по паре глотков, не больше.

Граф Ассумар пожелал узнать, каким ветром уважаемого Хуана занесло в сицилийские воды. От обильного угощения Иван ощущал только тяжесть в животе, голова же оставалась ясной. И он стал подробно рассказывать. Граф Ассумар краснел, бледнел, просил повторить интересный эпизод, не сидел на месте, вскакивал, бегал у стола, словом, вёл себя так, будто был не слушателем, а участником происходившего. Впрочем, иногда он притихал и строго впивался взглядом в лицо Ивана, словно не верил ему. В самом деле, турецкая армия по праву считалась одной из лучших армий в мире, и вдруг горстка рабов, измождённых тяжелейшим трудом, истомлённых недоеданием, мучимых пытками, побеждает её, а она терпит от них поражение, теряет много убитыми. Но самое главное: эти рабы, которых лучшие воины и матросы султана должны были схватить и после мучительных пыток повесить, находят путь среди бесчисленных островов греческих архипелагов.

А когда граф Ассумар услышал о богатствах на галере, алчный огонь загорелся в душе его. Он вспомнил рассказы о сокровищах ацтеков и инков, добытых конкистадорами за океаном, и подумал, что к нему сокровища приплыли сами. Вскоре он вместе с Иваном сам прибыл на галеру и лично убедился, что этот русский Хуан ничего не приврал, не преувеличил. Алчный огонь всё сильнее опалял графа. Особенно воспламенили его душу ровные столбики золотых скудо, стоявших на полке в шкафу, в той комнате, где жил теперь Иван. Взяв на память один кинжал с рукоятью из драгоценных камней, вице-король оставил галеру, пообещав прислать своего врача и велел снабжать Ивана кушаньями со своей кухни.

Вечером того же дня в Мадрид помчался гонец с донесением о случившемся и с просьбой об инструкциях, как ему вести себя с иноземцами.

На другой день на галеру из дворца пожаловал врач Эстебан. Селим был дельный лекарь, подлечил раны на руке и в боку, но ничем не мог помочь ране на голове. Она упорно не хотела заживать. Нарывала, гноилась, и голова подчас так болела, что Иван не вставал с постели. Эстебан дело своё знал отменно. Мягкими, нежными пальцами он ощупал всю голову Ивана, даже затылок, хотя там ничего не болело, нажимал где-то на груди, на спине, снял повязку, наложенную ещё Селимом, причём, когда снимал последний слой, голову молнией просверлила такая боль, что Ивана затрясло и он даже вскрикнул, хотя был очень терпеливый на боль. Эстебан изготовил вонючую мазь, наложил новую повязку, дал выпить какую-то душистую жидкость и велел лежать целые сутки, не вставая ни на миг.

Потом Эстебан осмотрел вместе с Селимом всех раненых, придирчиво исследовал все склянки-банки Селима, какие-то оставил, что-то посоветовал выбросить, похвалил лекаря и долго с ним беседовал.

Иван вылежал, не шевелясь, целые сутки. Кормил его с ложки Макарка и выполнял все пожелания, возился с ним, как нянька. За сутки отдыха Иван многое узнал от Ахмеда. Оказывается, Сицилия, куда пристали они, — остров. Для того, чтобы им вернуться в русскую землю, надо сначала попасть в земли итальянские.

— Вон они, там. — Ахмед показал на горизонт, где на самом краешке его серела кромка берега.

На берега итальянские попасть легко, у них есть галера. И она исправна. Местные плотники работают на ней, и их старшина говорит, скоро работы будут закончены, можно выходить в море.

Эстебан оказался врачом-чудодеем. От его повязки и лекарств пропала головная боль. Иван чувствовал себя заново родившимся. В ясной голове

рождались смелые летучие мысли, в руки вернулась прежняя сила. Иван с охотой водил Эстебана по галере, показывал самые укромные, потаённые уголки. Врач был любознательным, дотошным. Иван для своего избавителя готов был в лепёшку разбиться.

Тем временем гонец графа Ассумара домчался до Эскуриала, был принят королём и летел в Мессину с королевскими инструкциями. Донесение из Мессины произвело в Мадриде оглушительный эффект. Совершить побег от турок — это всё равно, что вырваться из пасти зверя. Пройти половину Средиземного моря — на это способен человек железной воли, стойкости, сообразительности, умения преодолевать препятствия, умения управлять людьми. Такой человек, подобный Писарро Кортесу, Нуньесу де Бальбоа, нужен королю Испании!

Ремонт галеры завершился, можно плыть дальше. Но тут Ивана вновь вызвал к себе вице-король и зачитал ему письмо от короля. Его Величество приветствовал отважного воина Хуана Московита и его людей, сумевших освободиться от турецкого плена, и в знак особой королевской милости позволял Хуану и его людям поступить на королевскую службу. Империя испанская велика, над её рубежами никогда не заходит солнце, ей нужны храбрые, неустрашимые воины. За службу все будут достойно и щедро вознаграждены.

Иван ответил, что целовал крест служить верой и правдой своему царю и никому другому служить не может. Граф Ассумар бросил на Ивана надменный взгляд и торжественно произнёс:

— Так как вы, Хуан, отвергаете королевскую милость и тем самым бросаете наглый вызов христианнейшему из королей Филиппу Четвёртому, вы более не имеете законных прав на захваченную в вероломном бою галеру “Великая Анатолия”. Она похищена вами у правительства Блистательной Порты. Мы повелеваем изъять галеру из незаконного владения Хуаном Московитом, дабы иметь возможность возврата её законному владельцу падишаху Ибрагиму.

Иван ошеломлённо молчал. Мысли одна сбивчивей другой толклись в голове. Убить этого графа, бежать на землю, а там ищи-свищи. Нет, догонят, повесят. Да и негодная это плата за гостеприимство.

— Что ты молчишь? — перебил его думы граф. — Поехали. К твоим матросам. Может, кто из них пойдёт на королевскую службу.

Однако на галере Иван одержал победу. Никто не захотел идти в услужение к испанскому королю.

В гневе положив руку на эфес шпаги, потемнев лицом, граф Ассумар процедил сквозь зубы, что галера принадлежит испанской короне, и тот, кто будет застигнут на ней, будет считаться вором и заключён в тюрьму.

Испанские солдаты зашли на галеру, выгнали на берег всех русских и турок, разрешив взять только то, что на них надето. Поселили в заброшенной конюшне. В первую ночь Иван не спал, думал, что делать. В конюшне ему не сиделось, вышел наружу, сидел и горевал. Вдруг из конюшни вышел Макарка:

— Думаешь, атаман?

— Думаю, Макарушко, думаю. Завтра надо всех кормить, а денег — кот наплакал.

— Я придумал, как денег раздобыть. Ты мне объяснишь, где они у тебя спрятаны. Я туда проникну и принесу тебе денег.

— Это воровство.

— А галеру у нас отнять — это как называется? За это на Москве сто батогов полагается. Вот бы идалго нашего кат знатно пощекотал. — Макар негромко засмеялся.

Деньги схоронены в потайной каморке каюты Апты-паши. Иван рассказал Макарке, как их найти, и тот сразу же отправился.

Долго тянулась ночь. Дождь то ослабевал, то припускал с прежней силой. Небо затянуто серыми, пухлыми облаками.

Наконец, появился Макарка. Насквозь сырой, дрожащий от утреннего холода, он радостно улыбался. Рассказал, как ему удалось проникнуть на галеру и забрать столько, сколько смог унести.

— А что я в мешочке просил, принёс?

— А как же! Вот.

Макар подал полотняный мешочек. Иван сунул его за пазуху.

— Покажешь?

— Потом, потом, как рассветёт.

В мешочке таилась вещица, которая должна была помочь всем достигнуть берега большой земли. Огромный чёрный алмаз. В тот же день Иван явился к Ассумару, и тот в обмен на драгоценность согласился переправить несговорчивых русских через пролив.

Перед отплытием Иван спросил, может быть кто-то хочет остаться на острове? Желających не нашлось.

Прощай, Мессина!

Когда галера, движимая мощными гребками, направилась к противоположному берегу, Иван, стоявший рядом с рулевым, подал графу Ассумару полотняный мешочек.

— Вот, идальго, этот камень.

Граф выкатил камень на ладонь и едва не задохнулся от восхищения. Опытным взглядом знатока он сразу понял, что это не подделка, не фальшивка.

Узкий пролив галера преодолела скоро. Все сошли на берег. Галера сразу же отчалила, легла на обратный курс. Эстебан с кормы махнул им рукой на прощанье, а граф Ассумар в своей каюте любовался алмазом и не мог насытить взор его созерцанием.

Галера скрылась на горизонте. Прощай, “Великая Анатолия”, проклятая и благословенная.

Глава восьмая На землях италийских

На Апеннинском полуострове в наши дни находится государство Италия. В те годы на нём располагалось несколько государств: королевство обеих Сицилий, Папская область, герцогство Тоскана, республики Венеция, Генуя.

За время, прожитое в Мессине, все выздоровели, оправились от ран. Только один Митрофан Ильин со стрелой вблизи сердца (и Эстебан не помог, опустил в бессилии руки) оставался неходячим. Для него в прибрежном городишке купили карруцу, одноконную повозку вроде русской телеги, и ещё одну — для всякого подорожного скарба, без которого в дальней дороге не обойтись: котлы, горшки, тарелки, посуда. Приспособили на передней телеге крест с мачты и тронулись в путь. Впереди катилась карруца с Митрофаном как самая тихходная. Многие хотели идти быстрее, рвались вперёд, но растягиваться было нельзя — мало ли что может стрястись в дороге. Нужно держаться кучно, сообща.

Вдоль дороги стояли поставленные ещё в глубокой древности мильевые столбы. После десятого столба делали малый привал, после тридцатого большой и вскоре ложились спать. Дорога шла вдоль берега, поэтому днём слева синело море и доносился его отдалённый шум.

Сильвестр, оказавшись на родной земле, расцвёл, всюду слышалась его звонкая быстрая речь. На острове он был сдержан, большей частью молчал, зато сейчас весь лучился радостью. Иван, чтобы время не проходило впустую, надуумил Сильвестра обучать Макара местному наречию. Сильвестр с охотой откликнулся, а Макар оказался способным, понятливым учеником, и вскоре бойко лопотал по-итальянски.

Странники шли по дороге сплошной толпой, уступая путь конным всадникам и военным отрядам, изредка встречавшимся им. Иван поделил весь отряд на четыре деревни — курскую, калужскую, пензенскую и вологодскую, чтобы мелкие проблемы люди решали внутри своей деревни, а если возникнет общее дело, то обсуждать на общем сходе.

В пути добрым словом поминали мессинских людей: кое-кто успел обзавестись друзьями, а кто и подругами. И ночью, случалось, перед сном вспоминал иной путник шум таверны на солёном берегу, хмельное застолье и венок чёрной косы на голове. Иван особо поминал доброго врача Эстебана.

Их окружала итальянская природа. Каждый день солнце. Пахнет смолой — это местные сосны, пинии, похожие на высоченные грибы. Ещё растут кипарисы, от них тоже дух смолистый.

Путь предстоял долгий. Никто никуда не торопился. Шли, иногда кто-нибудь запевал песню. Её подхватывали. И странно звучало под итальянским небом о кудрявой берёзе или о горах Воробьёвских. Прохожие с удивлением смотрели на людей, хором поющих на не знакомом им языке.

На ночлег устраивались в открытом поле. Начало декабря. На Руси земля уже укрывалась снегом, а здесь было тепло, положи что-нибудь под себя — и спи. Помня свою военную службу, на ночь Иван выставлял караул. Подыскивал тихие местечки, и вроде бы все спят, а всё под приглядом. Были недовольные: кому мы тут нужны, можно спать спокойно, а не маяться по ночам. Меж собой караульщики так говорили, но не роптали.

Глава девятая

Труды в пути

Странники не знали древнюю поговорку, что все дороги ведут в Рим, — *Tutte lestrande partono da Roma*. Но по этим дорогам они шли. Проснулись, встали, помолились — пошли. Привал. Большой привал на обед и — переход до вечера. И так изо дня в день.

Иван и его спутники дивились итальянским дорогам. На Руси и в Туретчине, где человек проехал, а за ним другой, и ещё за ним, вот тебе и дорога. Вот тебе и путь. По такой дороге ранней весной и поздней осенью не проедешь (колесо по ступицу в грязи вязнет) и не пройдёшь. А тут хоть осень, хоть весна, поезжай, иди куда вздумается. Дорога вся выстелена плоскими разной величины от большого, с печную заслонку камня, до огромного со столешницу. Такой дороге износа нет.

К концу второй недели дошли до большого города Неаполя. Решили сделать передышку. Поблизости оказалась каменоломня, в которой для всяких построек ломали мрамор. Иван купил на всех по паре специальных сапог, подбитых толстыми подошвами из буйволового кожи — обувь тамошних каменотёсов.

Не так далеко от Неаполя высилась чудо-гора под названием Везувий. Постоянно дымилась, над нею днём и ночью стоял столб дыма. Один старожил сказал, что когда-то, очень давно, из горы полетели камни, потекла горящая земля, а пепел был такой густой, что засыпал целый город. Должно быть, это сказка, статно ли засыпать целый город. А люди куда из него подевались? Сбежали, что ли? И земля не может гореть.

В Неаполе они отдохнули, погуляли в городских тавернах и на рассвете наладились в привычный путь. Напоследях посмотрели на дымную гору — когда ещё такую увидишь.

Ни Иван, ни его спутники не знали, что идут по местам римской истории, по местам знаменитых, навсегда оставивших свой след в мировой истории событий. Близ Неаполя много веков назад заставил весь Рим говорить о себе храбрый раб Спартак, а те места, где они шли на днях, запечатлены в памяти римского народа именами сражений у Канн, Капуи, здесь когда-то шагали железной поступью легионы Помпея и Цезаря, Августа, Веспасиана, Лициния и Константина.

Удивляла манера древних римлян устраивать кладбища вдоль дорог. Чем ближе к Риму, тем кладбища многочисленней. Ранним утром, пока не развеялся ночной туман, мнилось, что их встречают и провожают ожившие люди. На могилах стояли высеченные из камня фигуры людей. Меж могил шныряли бродячие собаки, слонялись люди. Стояли и церкви, с которых иногда раздавался колокольный звон.

Народа на дороге заметно прибывало. С утра малолюдная, с редкими прохожими и повозками, к полудню дорога становилась похожей на полноводную, шумную реку. Шаркая ногами, шли люди, постукивая окованными ободьями колёс, катились большие и малые повозки, перебегали дорогу и лаляли собаки, ржали лошади, проехала телега, полная галдящих гусей. Всё шло, ехало, катилось, сливалось в немолчный неустанный шум.

Глава десятая

Меж градами первый

Слава об их битве с турками и дерзком побеге давно уже бежала впереди, обгоняя их нестройный, но спаянный дружеской дисциплиной отряд. Достигнув Мадрида, а в ту эпоху именно он, а не Лондон или Париж являлся столицей мира, новость эта стала достоянием всех посольств, а через них — и всех столиц. Была она новостью любопытной, сродни шутке, курьёзу, не имеющему никакого политического значения для мировой дипломатии, но и в дипломатии есть место недоразумению, курьёзу. Из столицы великой и могущественной блистательной Порты, войска которой не так уж давно осаждали стены имперской Вены, сбежала, убив всю стражу, горстка рабов и достигла самой Мессины. Ведь пройти Средиземным морем — не шутка, это, если судить по европейским меркам, настоящий подвиг, сравнимый с подвигами античных героев. Так думали военачальники прославленных европейских армий.

Новость достигла и святейшего престола. Папа Урбан VIII, узнав, что отряд москвитов движется в направлении Рима, пожелал встретиться с ним. Со времён восшествия на Московское царство династии Романовых Святейший Престол не отводил взора от этой страны. Хотя отряд простолоудинов не мог иметь значения в установлении добрососедских отношений между Церквями, но в политике нельзя пренебрегать ничем: самый ничтожный человек сегодня-завтра может оказаться чрезвычайно полезным.

Рим показался вдалеке на краю горизонта ломаной линией домов и храмов. Их встречали. В толпе прохожих и всадников у городских ворот к ним верхом подъехал человек в тёмно-лиловой длинной одежде, в круглой шляпе с узкими полями. Заведующий канцелярией кардинала Антония Бандинелли.

— Монсиньор Антонио просил передать, — сказал Алессандро, — что, если путешественники из Московии желают видеть Его Святейшество, то должны принять извинения Его Святейшества. Он не может это сделать сегодня, занят. Но он примет их завтра.

Перед Иваном и его спутниками никто никогда не извинялся, и это извинение от человека, которого они в глаза не видели, было им чрезвычайно приятно.

А сегодня Алессандро будет показывать им Рим. После обильного, сытного угощения он повёл их на площадь, где возводился колоссальный собор святого апостола Петра. Странники, в жизни бывавшие только в своих неказистых приходских храмах, были подавлены размерами и мощью постройки собора. Они ходили по собору, задрав головы, взгляд терялся в пересечении сводов и арок, солнечных лучей, пронизывавших пространство куполов. Они испытывали чувство посланцев равноапостольного князя Владимира, вошедших на богослужение в храм Константинопольской Софии. Алессандро показывал им статуи великого Микеланджело, славного Бернини, завёл внутрь Сикстинской капеллы с росписями божественного Рафаэля.

На ночь странникам отвели просторные покои, каждому — отдельная кровать с белоснежной простыней и пуховой подушкой. Никто из них никогда не спал на такой постели. После вечерней трапезы все разошлись по своим койкам, улеглись. В покоях царил полная, но напряжённая тишина. Каждый знал, что никто не спит, но не раздавалось ни звука. Все были потрясены до глубины души виденным сегодня. Громадные размеры собора, под сводами которого свободно могли летать птицы; статуи святых угодников в полный рост, дышавшие жизнью; Спаситель, лежавший на коленях замершей в скорби Богородицы, — казалось, сейчас встанет с Её колен и обратится к ним со словом; как живая, Богородица с Младенцем на руках, чудовищные многокрасочные изображения Страшного Суда — всё вторгалось в душу таким мощным, переворачивающим всю её сверху донизу на всю её глубину потоком, так завладевали душой, всем сердцем, что было немыслимо о чём-то говорить, вносить какие-то свои звуки в эту величавую и пугающую картину жизни.

— Иван, — вдруг осмелился кто-то подать голос, — где мы были сего дня? Наверно, в раю?

Все замерли, готовые ждать сколько угодно. Но все ждали, готовые ждать сколько угодно.

— В раю святые живут, — наконец, нашёл слова для ответа Иван. — А мы не святые. Придём домой, в русскую землю, к Царю, к Патриарху, там всё узнаем. Я не знаю, но чувствую, что тот, кто делал, это человек Божий.

Утром за ними пришёл сам монсеньор Антонио Бандинелли и снова повёл в собор святого Петра, в котором, хотя ещё продолжались работы, но совершалось богослужение. Папа Урбан VIII, сухонький старичок с чёрными, будто что-то выпрашивающими глазами, в белом, как у женщины, кружевном переднике, в белой шапочке-нахлобучке на темени, совершил мессу, в конце которой каждому страннику собственноручно вложил в рот плоский круглый пресный хлебец — причастил их. Затем дал обед в честь далёких гостей, выразил надежду на сотрудничество русской и римской Церквей — Господь-то у нас один! — и благословил каждого небольшой иконой первоверховного апостола Петра.

В Риме лучшие папские врачи сделали операцию Митрофану Ильину, вынули у него из груди стрелу. Странники пробыли в Риме ещё несколько дней, пока подзаживёт рана.

Внутри Рима был малый город — Колизей. Путники видели, как при них из Колизея выехали три воза, нагруженные каменными глыбами, — лошади насилу везли их. Задумчиво ходил Иван по арене. Сказывают, что раньше в Колизее бились насмерть люди. Но не это взволновало Ивана: и на Руси есть кулачные бои и, если заеваешься, засветят так кулаком в висок, что уволочут на погост. Изумило Ивана, что на представления в цирк сходились десятки тысяч людей. Это же население целого русского города, вплоть до грудных детей. Будет ли когда-нибудь Русь такой великой, как имперский Рим? Будет ли весь мир так же смотреть на неё?

До городских ворот их провожал кардинал Бандинелли. С грустью покидали странники Рим. Но всего грустней было Ивану. Сильвестр покидал их. За воротами Иван обнял его:

— Прощай, брат! Мы все в долгу у тебя, если бы не ты, глодали бы наши кости турецкие рыбы на дне той бухты.

Сильвестр бросился на шею Ивану, обнял, и слёзы брызнули из его глаз. Сознание, что они видятся последний раз и расстаются навсегда, потрясло его. Иван скользнул рукой под телегу, выгреб оттуда и высыпал за пазуху Сильвестру объёмистую горсть золотых скудо.

Глава одиннадцатая

Славный Веденец середь моря встал

Могущественным и непримиримым соперником турецкому флоту стоял на Средиземном море флот республики Венеции. В знаменитом морском сражении при Лепанто, где флот союзников разгромил османский флот, решающий удар нанесли туркам галеры Венеции. Турция была заклятым врагом республики. Русские люди издавна называли Венецию “город Веденец”. Мало кто из людей, связанных с морем, не слышал о дивном городе и не мечтал побывать в нём.

Папа Урбан, прощаясь, дал москвитам охранную грамоту, чтобы никто в пределах папского государства не посмел чинить им препятствий. Грамота как раз и понадобилась при въезде в город. Стражники в городских воротах долго перечитывали грамоту, как внезапно раздались звуки труб. На площадь ворвались всадники. Первый из них, в белом атласном плаще, с двумя красными перьями на шляпе, окинув площадь взглядом, подскочил к стражнику, читавшему грамоту, вырвал её у него из рук. Русские оторопели: сейчас стражники изрубят дерзкого нахала. Но стражник угодливо поклонился и отъехал в сторону. Всадник с пером вернул грамоту Ивану и сказал, что председатель совета пятисот, дож республики Франческо Эрицу приветствует храбрых воинов, выступивших против насилия, в бою с нечестивыми

обрезанцами добывших свободу, благодарит их за мысль посетить вольный город и надеется видеть их сегодня в своём палаццо.

— Что такое палаццо? — спросил Иван.

— Где живёт их набольший, — ответил Макар. — Мы говорим: палаццо, а они: палаццо.

За площадью, где встретили их, начинался сам город. Улицы в обычном понимании отсутствовали. Все улицы были залиты водой и назывались каналами. По улицам не ходили, а плавали на лодках — гондолах. Для русичей подошло сразу два десятка гондол. Их повезли по каналам мимо красивых дворцов, провозили под многочисленными крутыми арками мостов. После путешествия по каналам они высадились на площади, в центре которой возвышалась колонна с крылатым львом наверху. Это была площадь святого Марка, ибо известно, что евангелисту Марку соответствует изображение льва. Неподалёку от собора степенно покачивалась на волнах роскошно украшенная гондола с красивым именем Буцентавр. На ней высокочтимый дож совершал ежегодный обряд венчания Венеции с морем.

После прогулки по городу странников проводили во Дворец дождей, где прошла церемония чествования отважных московитов. Пир длился долго. Всех интересовал ход жестокой схватки на галере. Слушали внимательно, с возгласами одобрения. Франческо Эррису спросил, почему же они идут пешком, а не плывут на захваченной галере. Иван замешкался. Сказать правду нельзя — все поймут, что испанский король их просто ограбил. Но вредить испанскому королю не хотелось, всё-таки граф Ассумар и добро им сделал. Ивана не учили искусству дипломатии, но он ответил, как прирождённый дипломат:

— Мы подарили галеру испанскому королю.

Дождь уловил заминку Ивана и по достоинству оценил ответ. В завершении пира, прощаясь, дож пожелал наедине поговорить с Иваном по одному секретному делу. Оказалось, всё просто: дож звал их на службу. Опытные, закалённые в бою воины скрепляют любое подразделение, вносят в него дух непоколебимой стойкости. Десяток таких храбрецов крепит сотню, сотня — тысячу. Иван просто ответил, что служит русскому государю, и его люди тоже никакому иному служить не согласятся.

Прощай, славный Веденец!

Глава двенадцатая Через горы — в Вену и дальше

Продвигаясь на север, они на пятый день увидели горы, возвышавшиеся перед ними каменной стеной. За горами лежала страна Австрия. Дорога вела круто вверх, в узкое ущелье. Справа и слева — всюду громоздились угрюмые каменные уступы. Чем выше, тем становилось холоднее. Странно: ведь чем выше, тем ближе к солнцу. Ход продвижения замедлился, навстречу дул сильный холодный ветер.

По выходе из ущелья путникам открылась зелёная нарядная долина. В середине селения — каменная церковь с колокольней. Вокруг церкви раскинулась большая деревня. В домах топились печи, и ветер разносил по долине манящий, домашний запах дыма. Их встретил деревенский староста.

Накупили у жителей тёплой одежды и выступили к грядущим испытаниям. Перевал встретил жуткой непогодой. Тучи стелились чуть не над головами. Было темно, как в сумерки, хотя — полдень. Ледяной ветер дул с ошалавливающей силой. Их верные безропотные лошадки, проделавшие изнурительный путь от Мессины, отказывались идти. Их тянули под уздцы, телеги толкали сзади. Ветер выл, забивал дыхание. Он словно превратился в живое существо, неистовые порывы как будто говорили: не пуццу, не пуццу, вернитесь. Но люди упрямо продвигались вперёд.

Перевал позади, но и на плато продолжалось то же самое. Ветер будто вырвался из преисподней, а вокруг — непроницаемая мгла. Странники шли тесной толпой, вцепившись друг в друга. Трое отлепились от общего монолитного тела и сорвались в пропасть. Их громкий истошный крик утонул в вое стихии.

Ночь застала путников на плато. К счастью, обнаружив неглубокую пещеру, они утеснились в неё. Там уже укрывались от ненастья трое горных волков. Они кинулись прочь, натываясь на людей. Долго тянулась ночь. Снаружи буйствовал ветер, валил снег. Пещера оказалась вся занесена снегом. Утром развели огонь, сумели сварить кашу, поели — и снова побрели сквозь ветер, холод и снег.

Многие десятилетия спустя по этим скалам будут брести горными тропами, побеждая природу, чудо-богатыри великого Суворова.

Ветер унялся внезапно, открылась просторная область ясного неба, и обозначился спуск в долину.

Наша история о беглецах перевалила через заснеженные Альпы. В Австрии о них уже знали. Но торжественного приёма, как в Венеции, не произошло. В Европе в то время, то потухая, то разгораясь бурным пламенем, бушевали последние сражения Тридцатилетней войны. Среди главных её участников была и Австрия. Их, конечно, встретили, разместили и ни в чём не утесняли, хотя Россия воевала на стороне противников Вены.

Здесь всё было другое, чем в Риме и в Венеции. Ни кипарисов, ни пиний. И люди не такие открытые. Иван часто приходил на берег широкой реки, пересекавшей Вену, смотрел на волны, на облака, отражавшиеся в реке. Вот он — Дунай, река сказок и былин, что рассказывала ему в детстве бабка. Для неё любая речушка была Дунайкой.

Братия после горных страстей приуныла, примолкла. Когда шли по царским краям, все были угрюмы, невеселы. Макарий вздумал запеть какую-то песню, никто не подхватил, не подпел.

На Дунае все взбодрилось, от самого имени реки повеяло родиной, так в непроглядную метель вдруг откуда-то дохнет дымком, и приунывший путник встрепенётся: близко жильё.

Странники жили в Вене уже неделю, обходили все улицы — город древний, красивый. Говорят, римским когда-то был. Корм дают хороший, достаточный, грех жаловаться. А что кесарь к себе не зовёт, так у него своих забот много. Будем ждать. Наконец, дождались. Иван думал, что аудиенция — это какой-то предмет, раз её дают, но по окончании встречи ему ничего не дали. И вообще кесарь оказался скуповат, прижимист в сравнении с Папой и дожем: ныл, жаловался на трудные времена и ничем не одарил путников. Войне конца-краю не видно, а у него казна пуста, солдат не хватает.

Сбоку голова кесаря смахивала на плотницкий топор. Он и разговаривал так: отрывисто, грубо. К концу разговора стало ясно, что всего сильнее заботило кесаря. Он напрямик спросил, когда русские поступят к нему на службу, обещал много платить. За месяц столько, сколько у царя Иван не получал и за год. Обещал лично Ивану дать поместье: двухэтажный каменный дом, сто десятин земли. Иван едва отвертелся от заманчивого предложения. Покидая кесарский дворец, проходя мимо дворцовых стражей саженного роста, закованных в сверкающие стальные латы, Иван подумал, как много на белом свете охотников подставлять русские головы под чужие сабли, копы и пули. Но их головы им самим нужны.

Вернувшись в лагерь, Иван узнал, что без него в лагере побывали уговорщики кесаря и произвели в нём большое смутение. Лагерь гудел, как встревоженный улей. Разговоры о деньгах, споры слышались там и тут. Иван едва утихомирил замаятно, а утром поднял всех. В день отъезда из Вены в городе отмечался какой-то праздник. Обоз с трудом продирался сквозь запруженные народом улицы. Народ всюду пел и плясал. Озирая праздные толпы весёлых горожан, Иван вспоминал нытьё кесаря о нехватке людей в армии, и подумал: вот бы всех этих бездельников вооружить, дать каждому мушкет или бердыш в зубы и — вперёд!

Венгерскую землю прошли спешно. Когда приближались к ляшской земле, кончились деньги. Последние гроши заплатили, чтобы купить хлеба. Начали голодать, иногда по два-три дня не ели ничего. Продавали оружие. На передней телеге добропобедно сиял крест-путеводитель. Один шинкар горбатый, картавый, приценился к кресту, цену хорошую давал. Иван сказал, как отрубил:

— Голодать будем, а крест сохраним.

Но на всякий случай, чтоб никого не вводить в соблазн, убрал крест в тайник на первой телеге.

Глава тринадцатая

В Польше

Поняли, что они уже в Польше, когда крестьяне и шинкари стали отвечать на русском языке.

— Ого, — воскликнул Макарий, услышав отзыв о цене сена для лошадей, прозвучавший по-русски. — Родина близко.

Тогда Русь с Польшей не воевала, и странников приняли тепло. Сытно, до отвала накормили, отвели на ночлег. Тут уже стояла настоящая зима со снегом и лёгким, мягким морозцем. Ивану предстояла знакомая вольнка: рассказывать полякам их одиссею, начиная с ночного боя, о шторме, о Мессине. О Риме поляки требовали рассказывать наиболее подробно, они почитали Ивана и всех собратьев за величайших счастливых, сподобившихся лицедреть самого Папу. Особенно их интересовало внутреннее убранство папских покоев, во что Папа одет, что они ели, пили. Ивана забавляло то недоумение и даже раздражение поляков, что он не запомнил яств, коими их потчевали в Риме. Он никогда не обращал внимания на то, что ест. Еда есть еда, что о ней много говорить.

Рассказывая о Риме, о Вецце, о лютом горном урагане, где они едва не сгинули, Иван подчас ощущал желание прибавить, приукрасить приятное, преувеличить тяжёлое, страдальческое. Он понимал, что привирать нельзя, это постыдно, но иногда увлекался и присочинял.

Польский король Владислав IV снабдил странников лошадьми, пешком теперь никто не шёл. Король удовлетворялся провиантом и отпустил, приказав кланяться царю и великому князю Алексею Михайловичу. Перед самым отъездом он спросил Ивана:

— Скажи мне, хлопче, что вы так на Русь рвётесь? Этакий путь выстрадали, нигде не остались, хотя вас звали. Скажи правду.

Король ждал ответа. С тем неловким чувством, когда приходится объяснять человеку очевидное, Иван сказал:

— Русская земля родит святых угодников. Только тот идёт в рай, кто скончает жизнь свою на родной, на русской земле.

Король хорошо говорил по-русски, но перебивать Ивана не стал. Он смерил его взглядом, хмыкнул.

— Это кто же вас какой чепуховине учит? Небось, попы ваши.

— Не попы. Это и без них все знают.

— Ну, ну. Все так все.

Глава четырнадцатая

Дошли!

Родина встретила своих сынов неприветливо. Польский король не дал никакой напутственной грамоты, рассудив, зачем она им в родной земле? Но Вяземский пограничный пристав стал требовать от них грамоты, кто они такие. Иван понимал, что писанина графа Мессинского, грамоты Папы и даже для пристава ничего не значат, пытался объяснить ему, кто они. Пристав, предвкушавший похвалы от воеводы за то, что один задержал шайку бродячих пишей, ничего не хотел слушать. Бумагу давай!

Иван, потеряв терпение, хотел просто отодвинуть пристава в сторону, а буде станет препятствовать, дать ему по шапке. Однако зная, что за нападение на государева человека по головке не поглядят, убрал за спину кулаки, которые чесались. Граф, Папа, дож их принимали, а тут какой-то плюгавый пристав. Иван даже сплюнул!

Пристав, конечно, был дурак. Но главное, они дома. Дома! Потершим. Не такое терпели.

Их выручил посланный для встречи дьяк из посольского приказа. Пристав, ожидавший похвалы, получил горячую порцию ругани от посольского дьяка. Дальше ехали не торопясь, останавливались на постоянных дворах, кормили лошадей. После обеда по русскому обычаю, который у турок не соблюдался, ложились поспать, потом следовали дальше. Иван не мог забыть и часто вспоминал острое, кольнувшее его в сердце удовольствие, когда на какой-то вопрос служитель постоянного двора ему ответил по-русски. Посольский дьяк Аверьян был словоохотливый, компанейский человек. Ему Иван повторил свой когда-то самому интересный, а теперь докучный рассказ о происходившем с ними. Дьяк слушал с таким видом, будто Иван сообщал важную государственную тайну, не перебивая и не задавая вопросов. Посоветовал не говорить царю, если царь-батюшка соизволит его слушать, о причастии у Папы.

В один из дней обоз тихо полз среди снегов. Вдруг Иван остановил взгляд. Кажется, что-то мелькнуло в небе, в серых тучах, нависших над землёй. Показалось? Нет, снова блеснуло. Иван понял: это крест Ивана Великого. Самого города не видать за снегами и лесом, а Иван Великий подаёт о себе знак.

— Братия, — обернувшись к обозу, гаркнул он. — Москва! Матушка Москва! — И перекрестился.

Обоз стал. То с одной, то с другой телеги прыгивали люди, вставали на колени, крестились и клали земной поклон. Аверьян взирал на происходящее с усмешкой: чему обрадовались? Москвы не видели?

До самого города добрались уже ввечеру, когда на землю сошли синие сумерки. Сторожевые привратники отперли ворота. Обоз втянулся в город.

Время зимнее, великопостное, много не разьешься, накормили их репой, пирогами с ячневой кашей, на столы поставили жбаны с квасом да блюда с квашеной капустой, ешь вдоволь, не жалей живота. В народе недаром говорится: капуста да капуста, а в брюхе всё пусто. Но никто не сетовал, дома-то и деревянная лавка мягче перины кажется. Зато никто тебя не обидит, не отвесит попутного пинка, не ожжёт плетью, не угостит зуботычиной.

На другой день Ивана призвали к царю. Для такого случая он вымылся в бане. Выхлестал венником турецкую тоску-печаль, тугу галерную, грусть мессинскую, римскую оторопь, венецкую важность, венский нахрап, польский кураж.

Царь-батюшка принял его в своей рабочей палате, где он вершил повседневные дела, читал разнообразные грамоты, прошения, выслушивал гонцов, обсуждал с думными дьяками насущные вопросы. Войдя в царскую палату, Иван сразу пал на колени. Алексей Михайлович встал со складного походного кресла, широко шагая, подошёл, помог подняться, показал на скамью.

— Садись, разговор с тобой будет долгий.

Государь был одет в тёмный подрясник, поверху висел большой серебряный крест, на голове — чёрная бархатная скуфейка, шитая скатным жемчугом. Жемчуг делил скуфейку на четыре доли. Царь ходил не на грозного владыку громадной державы, а на обыкновенного приходского попа. Только где найти такого попа, одна жемчужина со скуфейки которого, наверно, равна стоимости облачения архиерея?

Царь велел рассказывать об их путешествии по Европе. Со многими европейскими странами у Руси тогда не было дипломатических отношений, царь довольствовался об иноземных государствах сведениями обрывочными, недостоверными, иногда вообще сказочными. Поэтому послушать человека, побывавшего там, самовидца было интересно и полезно. Всё, что рассказывал Иван, записывал царский скорописец, сидевший здесь же в палате.

Алексей Михайлович требовал рассказа самого подробнейшего, до мелочей, описать, как выглядят турки, что носят, что едят, какие у них жёны и сколько у каждого. Когда Иван затруднялся дать должный ответ, царь сводил брови, хмурился. Иван боялся, что получит от него по сусалам. Но Алексей Михайлович не драчлив, да и разумен, не может же гребец знать всё. Интересовали его устройство галер, паруса, турецкое оружие, как заряжаются пушки, как стреляют, как достигается точность стрельбы.

После часового разговора царь увидел, что Иван устал. Они перешли в соседнюю палату. На столах стояли блюда с мочёными яблоками, царским лакомством — солёными арбузами, пирогами с кашами. Перекусили, повествование продолжалось. Привычка турок пить табак царя возмутила.

— Ах, басурманы, ах, нехристи, — восклицал он, слушая Ивана, — пока я жив, не допущу, чтобы русские люди пили табак. Из уст людских должна исходить молитва, а не смрадный дым. Пока я жив...

До поздней ночи продолжался разговор с Алексеем Михайловичем. Заболел Иван словечко о Макаре. Царь обещал подумать. Не утаил Иван, что причастились они у Папы. Как и предупреждал его пристав, царю это зело не понравилось. Махнув рукой, приказывая замолчать, он пристально и даже зло взглянул на Ивана.

— Этого делать нельзя. Ты знаешь, что Папа из себя второго Христа творит, еретические словеса глаголет...

Иван с тревогой следил за царём, прежние опасения всколыхнулись в душе: рука-то у него не царская, такой влещит — почешешься.

— Неграмотные мы, царь-батюшка, — пробормотал он. — Не знаем ничего, он дал, мы и взяли. Ты уж прости нас, сирот твоих, надёжа.

Алексей Михайлович посмотрел на стрельца, понурившего голову, сгрёб в горсть его волосы на затылке, слегка встряхнул голову, улыбнулся.

— Пойдёте все к Святейшему Патриарху, исповедаетесь, а уж он решит, какую епитимию вам за невежество ваше дать или что. Ну, продолжай. Засиделись мы с тобой.

Прощаясь, Алексей Михайлович положил Ивану руку на плечо, спросил ласково:

— Вот ты везде побывал, белый свет повидал. Скажи, где лучше, на Руси или там?

Иван посмотрел на царя: шутит? Нет, государь смотрел на него серьёзно, строго, ответа ждал не шутейного, не скоморошьяго.

— Да что ты, надёжа государь, меня пытаешь? Ведь сам всё знаешь. Дороже Родины нет, тут и церкви Божии, и ты, и семья, и дети, тут и протцы наши жили и нам здесь жить приказали. Ежели рассудить честно, человеку везде хорошо бывает, а дома лучше.

Глубокой ночью, шагая по ночному тёмному Кремлю, ловя боковым взглядом тускло поблескивавшие бердыши стрельцов ночного караула, Иван думал, что много довелось ему повидать в жизни, но самое главное случилось сегодня: он разговаривал с помазанником Божиим, православным царём, великим государем.

Глава пятнадцатая Судьбы людские

Странники прожили ещё с неделю в Москве. Молились, дошли до Сергиева монастыря, поклонились мощам преподобного. Тем временем в царском тереме решились их судьбы. Святейший Патриарх Иосиф отпустил им грех, содеянный по неведению, и наложил нетяжкую епитимию: утром и на сон грядущий совершать полсотни земных поклонов с молитвой мытаря, а самому старому из странников благословил постричься в Пафнутьев Боровский монастырь, без окупа. Макария определили толмачом в посольский приказ, Ивана вновь приняли на государеву службу. Каждому из странников царь пожаловал по шесть алтын денег. Все, кто освободился из вражеского полона, становились свободными людьми, и семьи их. У кого семьи не было или она распалась за давностью лет, Святейший благословил создать новую на месте их службы.

Почти все спутники Ивана отправлялись в недавно созданный Якутский острог. Там предстояло им править государеву службу, обзаводиться семьёй. Об этом Алексей Михайлович и говорил им, напутствуя отряд в Кремле в дальний путь. В этот раз царь был одет соответствующе: на голове — богатая меховая шапка с крестом, на груди — большой крест с самоцветами, в правой руке — посох с копейным остриём.

— Знаю вас как храбрых верных воинов, — говорил он, обходя строй и каждому пожимая руку. — Служите Господу нашему Иисусу Христу, Пречистой, обзаводитесь семьями, растите детей, знайте: Родине люди нужны.

Государь обошёл строй, кивнул стоявшему вблизи Ивану, который прощался с теми, с кем бился за жизнь и свободу против турок, шёл по Европам. Прощался, видимо, навсегда. Обнимал каждого, целовал в уста. Слезы текли по обветренным щекам и гасли в бороде.

На Иване Великом тяжко прогудел колокол Реут. Забил барабан. Стрельцы забросили на плечи бердыши, зашагали к выходу из Кремля.

Иван задерживался по делам на три дня.

Ушёл государь, удалился в терем Святейший Патриарх. Последние стрельцы шагнули за проём ворот.

Прощайте, друзья! Слезы теснили горло, будто он расставался не с людьми, а с самой жизнью. И вот уже Иван стоял один на площади перед Успенским собором. Вдали глуховато раздавался бой барабана. Вот не стало слышно и его. Иван следил, как поднявшийся ветерок гонит по площади лёгкую, быструю позёмку.

На душе было и грустно, и радостно.